

ИНСТИТУТ СОДЕЙСТВИЯ ТРЕТЕЙСКИМ СУДАМ: НОВАЯ ПРОБЛЕМА ИЛИ РЕШЕНИЕ

Колесникова Е.А.

*Колесникова Елена Анатольевна – магистр юриспруденции,
генеральный директор, председатель
Постоянно действующего третейского суда
ООО «Мой город», г. Москва*

Аннотация: в статье анализируются действенность и значение нового института содействия третейскому разбирательству через призму основных целей, с которыми должна была справиться крупномасштабная третейская реформа, результатом которой явилось не просто внесение изменений в действующее законодательство, но и принятие новой нормативной правовой базы, резко отличающейся в своем понимании правовой природы третейского разбирательства. Позволил ли новый институт решить назревшие проблемы в области альтернативных способов разрешения споров или создал новые – центральный вопрос настоящей статьи.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, третейское разбирательство, реформа, судебная система, институт содействия, «карманные» суды, императивность, арбитраж, огосударствление.

Способы альтернативного разрешения споров более двадцати лет известны современной России. С принятием законодательства в области альтернативного разрешения споров — Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Гражданский процессуальный кодекс РФ, регулирующих вопросы признания, исполнения и оспаривания третейских решений и другие вопросы, связанные с рассмотрением споров в третейском суде (арбитраже), Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» — возможности применения способов альтернативного разрешения споров в нашей стране существенно расширились [4, с. 4]. Однако, на этом процесс реформирования, как российской судебной системы, так и третейских судов, не входивших, кстати, в нее, не окончился.

Результатом крупномасштабной третейской реформы явилось не просто внесение изменений в действующее законодательство о третейских судах, которые бы отвечали современным требованиям диспозитивного института гражданского общества, но и принятие качественно нового законодательства, по-новому подходящего к регулированию третейского разбирательства, но далеко не во всем увязанного с сущностью и правовой природой разрешения споров третейскими судами. Его основу составили Федеральный закон от 29.12.2015 N 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», пришедший на смену Федеральному закону от 24.07.2002 N 102-ФЗ от 29.12.2015 «О третейских судах в Российской Федерации», который сейчас действует только в отношении споров, начатых и не завершенных до дня вступления в силу первого нормативного правового акта; и Федеральный закон от 29.12.2015 N 409-ФЗ, которым внесены соответствующие изменения в отдельные законодательные акты, так или иначе касающиеся третейского разбирательства.

Помимо обновленного понятийного аппарата и концепции третейского разбирательства, нормы названных законов учреждают и новый институт – институт содействия третейским судам. Является ли он решением былых проблем в области альтернативных способов разрешения споров или, напротив, порождает новые проблемы, возможно установить через призму целей третейской реформы, результатом которой и явилось принципиально новое законодательство о третейском разбирательстве и указанный институт.

За более чем десятилетний период действия Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» в правоприменительной деятельности, связанной с рассмотрением споров указанными судами, назрели проблемы, с которыми по задумке отечественного законодателя и

должен был справиться новый закон. Среди них такие, как падение уровня доверия вследствие низкого качества третейского разбирательства, наличие многочисленных злоупотреблений сторон третейского разбирательства, имеющих возможность по старому законодательству в одночасье учреждать так называемые «карманные» третейские суды, принимающие решения в пользу заинтересованной стороны, сводя «на нет» тем самым принципы объективности и беспристрастности разбирательства.

Третейская реформа по замыслу преследовала такие цели, как:

- повышение привлекательности и авторитета арбитража;
- повышение качества третейского разбирательства и востребованности указанного института гражданского общества;
- борьба со злоупотреблениями в области создания третейских судов;

- приведение действующего отечественного законодательства в соответствие с нормами международного коммерческого арбитража;
- снижение нагрузки на государственные судебные органы.

Очевидно, что новым законодательством должны были быть охвачены как внутренние проблемы функционирования третейского разбирательства, так и вопросы его гармонизации аналогично международному законодательству, а также обеспечение содействию системы отечественных государственных судов негосударственному разрешению споров.

Примечательно, что до формирования новой нормативной правовой базы реального механизма содействия третейским судам в России не было. Хотя стороны третейского разбирательства и наделялись правом обращения к судам отечественной судебной системы, в частности, для содействия в получении доказательств, соответствующая обязанность государственных судов не нашла закрепления в процессуальном законодательстве того времени, которое регулировало исключительно порядок приведения в исполнение и оспаривания решений третейских судов, вынесенных на территории Российской Федерации.

Новые нормативные правовые акты наделяют государственные суды функциями по содействию и контролю за третейскими судами, которые ныне получили наименование «арбитража» [3].

Так, статья 6 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» называет компетентным судом органы для выполнения определенных функций содействия и контроля в отношении арбитража. Речь идет о государственном суде, которым выполняются функции, указанные в частях 3 и 4 статьи 11, части 3 статьи 13, части 1 статьи 14, части 3 статьи 16 и статье 40 рассматриваемого закона [3].

Эти функции охватывают процедуры назначения арбитров, их отвода и прекращения ими полномочий, при которых компетентный суд может осуществлять такие полномочия по содействию и контролю, как:

- 1) назначение арбитра по заявлению любой стороны в случаях:
 - если сторонами не согласована иная процедура назначения арбитров, например, уполномоченным органом арбитражного учреждения;
 - если другая сторона не назначила арбитра в течение 1 месяца после получения запроса;
 - в случае, если два арбитра не избрали третьего арбитра в течение 1 месяца;
 - если стороны не пришли к согласию относительно кандидатуры единственного арбитра.
- 2) назначение арбитра при несоблюдении процедуры назначения сторонами, арбитрами или третьим лицом, включая арбитражное учреждение;
- 3) отвод арбитра, если сторона, заявившая отвод, в течение 1 месяца со дня получения уведомления об отклонении отвода подает соответствующее заявление в суд.
- 4) прекращение полномочий арбитра по требованию любой из сторон, если арбитр не заявляет самоотвод в силу неспособности участвовать в споре или неучастия в разрешении спора в течение неоправданно длительного срока [3].

При этом действующая юридическая конструкция указанной нормы в ее дословной формулировке такова, что факт выполнения названных функций не ставится в зависимость от наличия или отсутствия соглашения сторон третейского разбирательства о порядке решения названных вопросов, хотя, как мы видим, это далеко не во всех случаях так. Помимо указанных функций существенному повышению авторитета и привлекательности третейских процедур способствует содействие судов в получении доказательств, нормы о котором включены в статьи 30 и 63.1 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) [2] и статью 74.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) [1].

Соответствующие запросы третейских судов о содействии в получении доказательств подлежат исполнению компетентными судами в течение 30 дней с момента их поступления, а основания для отказа в удовлетворении таких запросов четко установлены гражданским и арбитражным процессуальным законодательством в виде закрытого (исчерпывающего) перечня [1].

Серьезный настрой законодателя в вопросе реализации института содействия третейским судам выразился в появлении новых видов производств в отечественных гражданском и арбитражном процессе - производство по делам, связанным с выполнением арбитражными судами функций содействия в отношении третейского суда, регламентированное главой 30 АПК РФ [1] и производство по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов, включенное в раздел 6 ГПК РФ [2].

Однако, как показывает практика, институт содействия третейским судам породил больше новых проблем, нежели позволил решить существующие.

Наделение государственных судов вышеназванными функциями содействия и контроля идут вразрез с правовой природой третейского разбирательства как института гражданского общества, для которого характерна диспозитивная процессуальная форма, привлекательные особенности которой играли

определяющую роль при выборе третейского разбирательства как альтернативного способа разрешения споров.

Сегодняшняя правовая регламентация института содействия третейским судам обладает не свойственными для третейского разбирательства чертами формализованности, чрезмерной императивности и огосударствления, что выражено в смешивании диспозитивной процессуальной формы третейского разбирательства с процессуальной формой государственного судопроизводства.

Новая нормативная правовая база императивно регламентирует многие вопросы третейского разбирательства, которые ранее определялись соглашением сторон, что, однозначно, негативно отразится на гибкости и привлекательности третейской процессуальной формы, договорной по своей природе.

Меры дополнительного контроля со стороны государственных судов фактически ставят в подчинение рассматриваемый институт гражданского общества государственным судам российской судебной системы, в которую они по-прежнему не входят, что, попросту, нелогично.

Предусмотренная же новым законом разрешительная процедура создания третейских судов, ставит факт их учреждения и функционирования в прямую зависимость и от иных федеральных органов государственной власти. Содействие и контроль в вопросах назначения, отвода или прекращения полномочий арбитров со стороны государственных судов только углубляет процесс огосударствления третейских судов, которые по своей природе должны создаваться и функционировать в договорном порядке, диспозитивно, а не императивно, переходя в рамки государственной вертикали.

Спорно и правовое положение компетентного суда по отношению к третейскому. Поскольку последний, как уже говорилось, представляет собой институт гражданского общества, вышестоящего органа, роль которого в определенных случаях берет на себя компетентный государственный суд, в третейском разбирательстве нет и не может быть.

Кроме того, осуществление государственными судами двух новых производств, связанных с выполнением функций содействия третейскому разбирательству, не только не решило проблему излишней загруженности государственных судебных инстанций, а, напротив, только увеличило и без того запредельный объем работы государственных судов, что идет вразрез с целями третейской реформы.

Таким образом, при наличии определенных достоинств, новый институт содействия третейским судам породил больше новых проблем, нежели позволил решить старые, что явно не соответствует заявленным целям реформирования как судебной системы в целом, так и института третейского разбирательства в частности.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета, 27.07.2002. № 137.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета, 20.11.2002. № 220.
3. Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ // Российская газета, 31.12.2015. № 297.
4. *Севастьянов Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) // Редакция журнала «Третейский суд», 2015. № 7. 449 с.